

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН
ХОББИТ

Джон Толкин

Хоббит

«Издательство АСТ»

1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Хоббит / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ», 1937

ISBN 978-5-17-078506-3

«В земле была нора, а в норе жил хоббит». Эти слова написал Джон Рональд Руэл Толкин на обороте школьной экзаменационной работы, которую проверял одним жарким летним днем. И кто бы мог подумать, что именно из них, как из волшебного зернышка, произрастет одно из самых известных произведений мировой литературы. Это сказка, покоровшая и детей, и взрослых, отправляет читателя в невероятное путешествие, дарит незабываемое ощущение первозданного детского восторга и добра.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-078506-3

© Толкин Д. Р., 1937

© Издательство АСТ, 1937

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джон Толкин

Хоббит

John R.R. Tolkien
THE HOBBIT

Originally published in the English language by
HarperCollins Publishers Ltd.

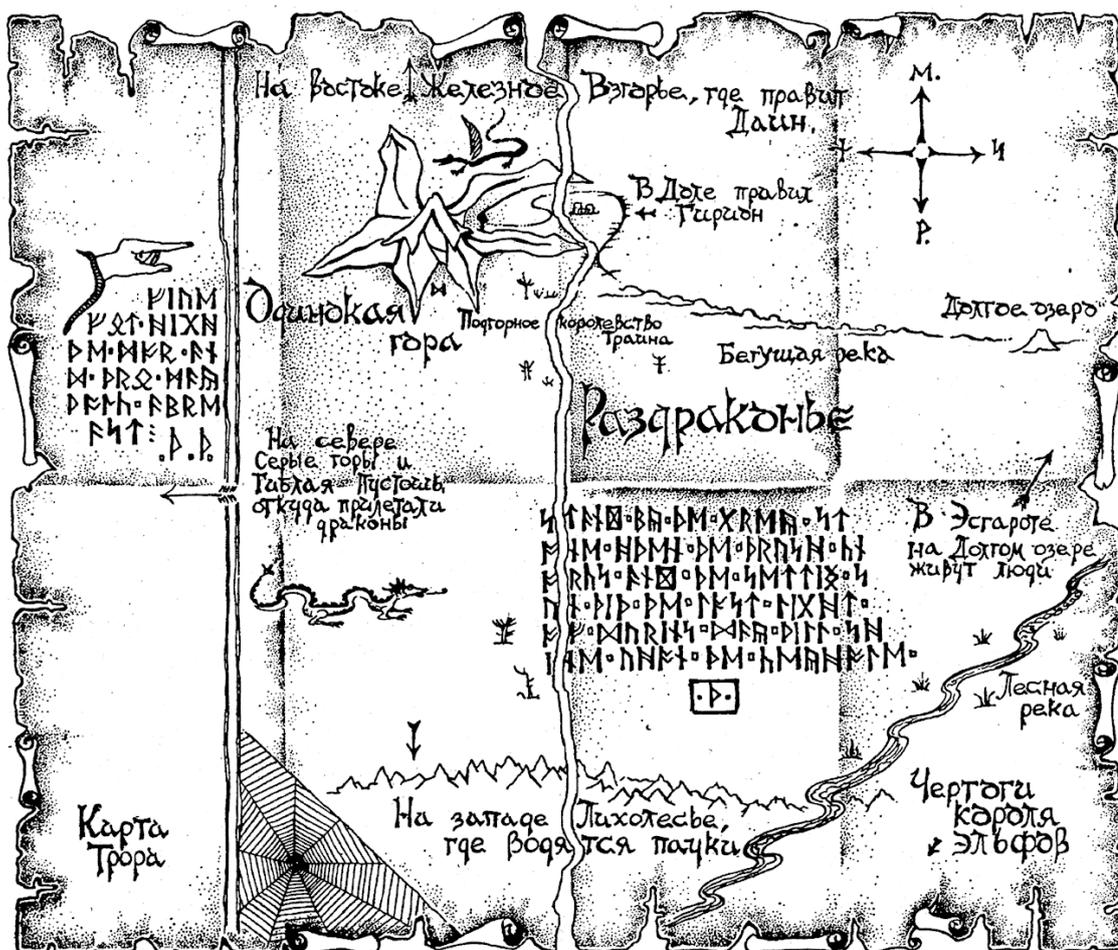
© The J.R.R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997

© Перевод. К. Королев, 1999

© Перевод стихов. В. Тихомиров, наследники, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Нежданное угощение

В земле была нора, а в норе жил хоббит. Нора была вовсе не грязная и совсем не сырая; не копошились в ней черви, не лепились по стенам слизняки, нет – в норе было сухо и тепло, пахло приятно, имелось там на что присесть и что покушать, – словом, нора принадлежала хоббиту, а стало быть, само собой, была уютной во всех отношениях.

Входная дверь в нору, круглая, точно люк, со сверкающей медной ручкой посредине, была выкрашена в зеленый цвет. Открывалась она в просторный и длинный коридор, похожий на пещеру, но чистый и ничуть не задымленный; в нем стояли стулья, пол устлала ковры, стены, обшитые деревянными панелями, оснащены были великим множеством крючков для плащей и шляп – этот хоббит просто обожал принимать гостей. Коридор, изгибаясь, проходил в глубине холма – или Кручи, как называли холм на много миль окрест. По обеим сторонам коридора в два ряда тянулись маленькие круглые дверцы, за которыми скрывались самые разные помещения, так что лазать вверх или спускаться вниз хоббиту не приходилось: спальни, ванны, погреб и кладовые (их было не перечесть), кухни, трапезные, гардеробные (в норе имелась особая комната, целиком отведенная под одежду) – все находилось рядом, в любую комнату можно было попасть из того же самого коридора. Лучшие покои располагались по левую руку, если стоять спиной ко входу, и только в них были окна, глубоко посаженные круглые оконца, выходившие в сад, за которым полого скатывались к реке луга.

Этот хоббит был весьма зажиточным, а фамилия его была Торбинс. Торбинсы обитали на Круче невесть с каких пор, и все их очень даже уважали – не только потому, что они славились своим богатством, но и потому, что в роду у них не было сумасбродов и ни с кем из Торбинсов никогда ничего не приключалось. И всякий мог заранее догадаться, что ответит какой-нибудь Торбинс на тот или иной вопрос. Однако наша история – о том, как один из Торбинсов засумасбродил и, сам не зная почему, начал говорить и делать вещи поистине невероятные. Пожалуй, после этого он потерял уважение соседей, зато приобрел... – впрочем, вы скоро узнаете, приобрел ли он хоть что-нибудь.

Матушкой нашего хоббита... Да, кстати, а кто такие хоббиты? Ведь сегодня хоббиты встречаются весьма редко и старательно избегают Громадин (такое прозвище они дали людям), поэтому не мешает, наверно, их описать, хотя бы в общих чертах. Это маленькие существа, ростом взрослому человеку по пояс. Но они – не гномы: хоббиты будут пониже, да и бород отродясь не имели. Волшебством они не занимаются, зато умеют в мгновение ока скрыться, если поблизости появятся Громадины, топочущие будто слоны. Хоббиты предрасположены к полноте, носят одежду ярких цветов, предпочитая в основном желтый и зеленый; ходят они босиком – башмаки им не нужны, ибо кожа у них на ступнях крепче сапожной подошвы, а стопы сверху покрыты густой рыжеватой шерсткой, согревающей в холода; пальцы у хоббитов длинные и чуткие, лица добродушные, и смеются они от души (в особенности поевши, а едят они часто и помногу). Ну вот, теперь вы знаете о хоббитах достаточно, и я могу продолжить.

Как я уже сказал, матушкой нашего хоббита, Бильбо Торбинса, была знаменитая Белладонна Тук, одна из трех дочерей хоббитана Тука, жившего в Приречье, за маленькой речушкой, что течет у подножия Кручи. Соседи поговаривали, что давным-давно один из предков Старого Тука женился на эльфийке. Это, конечно, полная нелепица, но все же в Туках имелось что-то такое, совсем не хоббитовское, и время от времени родичи Туков, а то и они сами, находили приключения на свою голову. Иногда кое-кто из них исчезал неизвестно куда, а оставшиеся, когда их принимались расспрашивать, упорно отмалчивались, притворяясь, будто они

ни о чем таком – ни сном ни духом... В общем, Туков, хоть они и были богаче, в Хоббитании уважали меньше, чем Торбинсов.

По счастью, Белладонна Тук вовремя вышла замуж за господина Банго Торбинса, и приключения обошли ее стороной. Банго, отец Бильбо, отрыл для жены (частью на деньги из ее приданого) такую роскошную нору, с которой не шли ни в какое сравнение все прочие, будь то на Круче, в Исторбинке или в Приречье. В этой норе они жили до конца дней своих. Может быть, Бильбо Торбинс, единственный отпрыск досточтимой Белладонны, на вид – точная копия своего добродушного и покладистого отца, унаследовал от матери эту самую Туковскую особенность, которая ждала лишь подходящего времени, чтобы проявиться во всей красе. Однако... Бильбо благополучно вырос, стал уважаемым хоббитом в расцвете сил (ему было уже под пятьдесят), а подходящее время все не наступало. И лишь когда стало казаться, что господин Торбинс так и просидит в своей норе до скончания дней, произошло знаменательное событие.

По некоей случайности, как-то тихим утром – в те времена шума было меньше, зелени больше, а хоббиты множились и процветали, – Бильбо Торбинс, плотно подзакусив, стоял у двери своего обиталища, покуривая длинную деревянную трубку, почти упиравшуюся чубуком в его стопы, шерстка на которых была аккуратно расчесана. И тут он увидел Гэндальфа. О, этот Гэндальф! Когда бы вам довелось услышать о нем хотя бы четверть того, что слышал я (а я слышал лишь малую толику из того, что можно было услышать), вы бы сразу поняли – вас ждет поистине замечательная история. Повсюду, где ни побывал Гэндальф, повсюду о нем рассказывали самые невероятные небылицы. В Хоббитании же он не показывался с тех пор, как умер его друг Старый Тук, и нынешнее поколение хоббитов почти забыло, каков он из себя. Ведь Гэндальф покинул Кручу и удалился в неведомые края, за Приречье, еще в ту пору, когда они были сущими несмышленишками.

Ни о чем худом не помышлявший Бильбо добродушно наблюдал за странно одетым стариком. На Гэндальфе был длинный серый плащ с серебристым шарфом и высокая, остроколючая, слегка потрепанная голубая шляпа. Дополняли наряд огромные черные башмаки. В руке старик сжимал посох.

– Доброе утро, – поздоровался Бильбо. Ведь утро и вправду было добрее некуда – сияло солнце, на дворе зеленела травка.

Гэндальф пристально поглядел на хоббита, погладил свою длинную и пушистую седую бороду и сдвинул кустистые брови, выдававшиеся из-под широких полей шляпы.

– И что же это означает? – осведомился он. – Желает ли ты доброго утра мне или хочешь сказать, что оно было добрым до моего появления? Или намекаешь, что у тебя все в порядке и ты не прочь поболтать?

– И то, и другое, и третье, – отозвался Бильбо. – Присаживайтесь, господин хороший. В такое утро просто грех не выкурить трубочку на свежем воздухе. У меня отличный табачок. Угощайтесь. Спешить некуда, целый день впереди. – Бильбо уселся на лавочку, скрестил ноги и выпустил замечательное кольцо дыма. Ветерок подхватил его и повлек в сторону Приречья.

– Спасибо за приглашение, – сказал Гэндальф. – Но мне некогда заниматься пустяками. Я должен найти того, кто согласится отправиться со мной навстречу приключениям. К сожалению, покамест никто не соглашается.

– Нашли где искать, в наших-то краях! Тут народ тихий, мирный... Лично мне приключения совсем ни к чему, есть в них что-то такое тревожное, неудобное... Жаль, что вы опоздали к завтраку. Знал бы я, что вы придете, я бы вас попотчевал на славу.

Бильбо выпустил кольцо дыма больше предыдущего, засунул палец за подтяжки и принялся просматривать утреннюю почту, притворяясь, будто незнакомец его вовсе не интересуется. Этот старик настораживал; господину Торбинсу больше всего хотелось, чтобы незваный гость

поскорее убрался восвояси. Но тот стоял себе, опершись на посох, и молча глядел на хоббита. Бильбо начал сердиться.

– Доброе утро! – сказал он. – Нам приключения ни к чему. Прогуляйтесь в Приречье, может, там кто согласится.

Уж, кажется, яснее некуда, – разговор окончен. Но упрямый старик никак не желал уходить.

– Что за прелесть твое «доброе утро», – промолвил он. – Теперь оно означает, что ты жаждешь от меня избавиться, и покуда этого не случится, утро не станет по-настоящему добрым.

– Всего нет, господин хороший, всего нет! Простите, я не уверен, что знаю ваше имя...

– Да неужели, господин хороший? А вот я твое имя знаю прекрасно, Бильбо Торбинс, да и мое тебе известно, хотя ты и не помнишь, что оно мое. Я – Гэндальф, а Гэндальф – это я! Подумать только, до чего я дожил – доброутренничаю у дверей с сынком Белладонны Тук! Ни дать ни взять бродячий торговец!

– Гэндальф? Погодите, погодите... Это не тот ли чародей Гэндальф, подаривший Старому Туку изумрудные запонки? Да не простые, а волшебные: застегнул – так все, уже не расцепишь, как ни бейся, пока нужного слова не молвишь. Тот самый Гэндальф, мастер устраивать огненные потехи? Как же, как же, я это помню! – Старый Тук обыкновенно зывал Гэндальфа в Хоббитанию ближе к солнцевороту. И Гэндальф всякий раз откликнулся на его просьбу и тешил хоббитов фейерверками, от которых ночью становилось светло как днем. Это было замечательно! Шутихи в сумерках взлетали в небо и распускались там желтыми лилиями, рдяными маками, белоснежными цветками раkitника... – Вот чудеса! Вы – тот самый Гэндальф, из-за которого столько хоббитов бросило дом и отправилось невесть куда! Говорят, вы их зазвали в гости к эльфам – по деревьям полазать, на лодках поплавать... Знатно вы тогда всех перебаламутили небылицами своими складными. Драконы там да гоблины, принцессы спасенные, воины бесстрашные... Покорно благодарим, нам такого не надо. Прошу, конечно, прощения, но я и не думал, что вы еще живы.

– А что мне сделается? – усмехнулся маг. – Я рад, что ты вспомнил меня. Во всяком случае, мои фейерверки. Все лучше, чем ничего. Уважая память твоего деда Старого Тука и твоей матушки Белладонны, я дарую тебе то, о чем ты просил.

– Так ведь я, уж простите великодушно, ничего не просил.

– Разве? Ты уже дважды просил у меня прощения. Так вот, я тебе его и дарую. Скажу откровенно, я забрел в этакую даль только ради тебя. Пойдем со мной. Это приключение обещает быть занятным для меня и полезным для тебя – и весьма выгодным. Соглашайся, мой милый.

– Извините! Не надо мне никаких приключений, благодарствую! Только не сегодня! Доброе утро! Пожалуйста, приходите к чаю... Милости просим! Завтра. Да, приходите завтра. Всего хорошего. – С этими словами хоббит поспешно юркнул за круглую зеленую дверь. Правда, он тут же пожалел о своей поспешности. Невежливо все-таки. А с чародеями, сами понимаете, лучше пообходительнее: не ровен час, разгневаются.

– И зачем я пригласил его к чаю? – сокрушенно спросил сам себя господин Торбинс, направляясь в кладовку. Он позавтракал совсем недавно, однако чувствовал, что ему просто необходимо перекусить – так сказать, зажевать испуг.

А Гэндальф, отсмеявшись, подошел к двери и концом посоха начертал на ней странный знак. После чего повернулся и зашагал прочь. Между тем Бильбо, доедая второй пирог, малопомалу успокаивался и уже мысленно поздравлял себя с тем, как ловко избавился от страшного приключения.

К следующему утру хоббит – такой уж он был легкомысленный – почти позабыл о Гэндальфе. Обыкновенно все важные дела, которые нужно было сделать, он записывал на особую

дощечку. Если бы накануне его не перепугали до полусмерти, он, должно быть, записал бы что-нибудь вроде: «Гэндальф, чай, среда». А так – Бильбо настолько разволновался, что начисто забыл о своей полезной привычке.

Наступило время пить чай. Тут дверной колокольчик яростно затрещал, и Бильбо вспомнил! Он поставил котелок на огонь, достал вторую чашку с блюдцем, выложил на тарелку еще два пирога и побежал к двери.

«Прошу прощения, что заставил ждать», – вот что он собирался сказать Гэндальфу.

Но оказалось, что пришел вовсе не Гэндальф. С порога на Бильбо пристально глядел гном! В темно-зеленом плаще с капюшоном, с седой бородой, заправленной под золотой пояс. Едва дверь открылась, гном ринулся вовнутрь, будто за ним гнались.

Кинув плащ на ближайший крючок, он низко поклонился и произнес:

– Двалин, к вашим услугам. – Глаза у него были необыкновенно ясные.

– Бильбо Торбинс, к вашим, – ответил хоббит, слишком изумленный, чтобы задавать какие-либо вопросы. Установилось молчание. Когда молчать дольше стало неудобно, Бильбо сказал: – Я как раз собирался пить чай. Пожалуйста, присоединяйтесь. – Пусть чай уже успел остыть, но радушие, как известно, прежде всего. И то сказать: как поступили бы вы, явись к вам в гости незваный гном и повесь он, ничего не объясняя, свой плащ в вашей прихожей?

За столом они просидели недолго. Оба только-только принялись за третий пирог, когда колокольчик зазвонил громче прежнего.

– Прошу прощения, – извинился хоббит и поспешил к двери.

«Наконец-то вы пришли», – собирался сказать он Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. На пороге стоял умудренный годами почтенный гном с белой бородой и в алом плаще. Подобно первому, он без спроса ввалился в прихожую, едва дверь распахнулась.

– Вижу, потихоньку подтягиваются, – произнес он, заметив темно-зеленый плащ Двалина. Повесив на крючок свой, гном приложил руку к груди и представился: – Балин, к вашим услугам.

– Очень рад, – ответил Бильбо со вздохом. Разумеется, вздыхать было не очень-то вежливо, но его поразили слова Балина: «потихоньку подтягиваются». Хоббит любил гостей, но предпочитал приглашать к себе в дом добрых знакомых, а вовсе не подозрительных личностей с улицы. Внезапно хоббиту в голову пришла ужасная мысль: сейчас гномы съедят все пироги, и ему ничегошеньки не останется. Увы, никуда не денешься – хозяин должен потчевать гостей так, чтобы они ушли довольными... – Проходите, – выдал он. – Выпейте с нами чаю.

– Если вас не затруднит моя просьба, сударь, – откликнулся Балин, – мне бы лучше пива. Впрочем, против пирогов я ничего не имею. Особенно если они с тмином.

– Сколько угодно. – Бильбо сам изумился своему ответу. Он направился в погреб и до краев наполнил пивом пинтовую кружку, потом заглянул в кладовку и прихватил два чудесных пирога с тмином, которые собственноручно испек себе на вечер.

Балин и Двалин, сидя в зале, болтали как закадычные друзья (по правде сказать, они были братьями). Бильбо поставил на стол пиво и тарелку с пирогами, и тут колокольчик прозвонил дважды подряд.

«Теперь-то уж наверняка Гэндальф», – подумал Бильбо, подбегая к двери. Однако он вновь обманулся в своих ожиданиях. Едва дверь открылась, в прихожую впрыгнули два гнома – оба в голубых плащах, подпоясанных серебряными кушаками. Бороды у них были цвета соломы, в руках они держали мешки с инструментами и лопаты. Бильбо решил ничему не удивляться.

– Чем могу быть полезен, добрые господа? – спросил он.

– Кили, к вашим услугам, – сказал один гном.

– И Фири, – прибавил второй. Оба сняли плащи и поклонились.

– Очень приятно. Бильбо Торбинс. – Хоббит наконец-то вспомнил о хороших манерах.

– Я вижу, Балин и Двалин уже здесь, – проговорил Кили. – Компания собирается.

«Компания? – мысленно повторил господин Торбинс. – Ох, что-то мне это совсем не нравится. Пожалуй, стоит посидеть в уголке, чего-нибудь выпить и поразмыслить».

Едва он приложился к кружке – четверо гномов тем временем, рассевшись вокруг стола, говорили о рудниках и о золоте, о схватках с гоблинами и о драконах, и о чем-то еще, совершенно непонятном простому хоббиту, о чем-то явно приключенистом, – колокольчик залился снова, да так звонко, будто его пытался оторвать какой-нибудь негодный хоббитенок.

– Похоже, сразу четверо, – заметил Филю. – Ну да, мы же видели их по дороге.

Бедный хоббит выбежал в прихожую и сел прямо на пол, обхватив голову руками. Да что же это такое? Неужели они все останутся на обед? Колокольчик затрещал снова, еще громче, и Бильбо пошел открывать. Гости оказались не четверо, а пятеро. Стоило лишь приоткрыть дверь, как все очутились внутри. Друг за другом они кланялись и произносили: «К вашим услугам». Новоприбывших гномов звали Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Вскоре два малиновых плаща, серый, коричневый и белый уже висели на крючках, а хозяева плащом направилась в залу. И в самом деле компания. Кто заказал эль, кто – портер, кто – кофе, и все в один голос потребовали пирогов. Некоторое время хоббит был очень занят.

К очагу поставили большой кувшин с кофе; пироги с тмином кончились, и гномы принялись за лепешки с маслом. И тут раздался громкий стук. Кто-то грубо колотил палкой – бум-бум-бум! – по чудесной зеленой двери.

Бильбо разозлился и вместе с тем окончательно запутался – такого бестолкового дня у него еще не бывало. Он побежал открывать. Когда дверь распахнулась, в прихожую, устроив кучу малу, ввалились четверо гномов. А на пороге, опираясь на свой неизменный посох, стоял довольный Гэндальф. На двери красовалась глубокая вмятина, однако знак, начертанный магом накануне, чудесным образом исчез.

– Осторожнее, господин Торбинс, – укорил чародей. – Да полно, ты ли это, Бильбо? Сперва держишь друзей на пороге, а потом без предупреждения отпираешь... Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и, конечно, Торуна.

– К вашим услугам, – хором произнесли Бифур, Бофур и Бомбур, став рядом.

Гномы повесили на свободные крючки два желтых плаща, светло-зеленый и небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Последний плащ принадлежал Торуна, очень важному гному, который был не кем иным, как великим Торуном Дубовым Щитом собственной персоной. Торин явно гневался – должно быть, из-за того, что вошел в дом столь неподобающим образом, да еще оказался в самом низу, под Бифуром, Бофуром и толстяком Бомбуром. Поначалу он хранил мрачное молчание, но когда господин Торбинс в сотый раз извинился, Торин сменил гнев на милость, пробормотал: «Забудем об этом», – и перестал хмуриться.

– Все в сборе, – сказал Гэндальф, бросив взгляд на плащи на крючках. – Веселая подобралась компания! Надеюсь, опоздавшие голодными не останутся? Что там у нас есть? Чай? Нет, благодарю. Мне, пожалуй, немного красного вина.

– И мне тоже, – поддержал Торин.

– А мне малиновый джем и яблочный пирог, – прибавил Бифур.

– А мне сладкий пирог с сыром, – заказал Бофур.

– А мне пирог со свиной и салат, – заявил Бомбур.

– А нам еще пирогов, эля и кофе! – закричали остальные гномы.

Бильбо поплелся в кладовку.

– Будь добр, прихвати еще пару яиц! – крикнул ему вслед Гэндальф. – И не забудь холодного цыпленка и солений всяких!

«Похоже, он знает содержимое моих кладовых не хуже меня самого!» – подумал окончательно сбитый с толку господин Торбинс. Неужели это и есть то приключение, о котором

говорил чародей? Собирая и ставя на подносы бутылки и блюда, стаканы и тарелки, столовые приборы и еду, хоббит запарился, его лицо побагровело от беготни. Наконец он рассердился.

– Что за противный народ эти гномы! – громко сказал он. – Нет чтобы помочь!

И тут дверь в кладовку распахнулась. На пороге появились Балин с Двалином, Фили и Кили. Не успел хоббит ахнуть, как они вырвали у него из рук подносы и помчались обратно в залу, прихватив по дороге два маленьких столика из прихожей – так, на всякий случай.

Гэндальф уселся во главе стола в окружении тринадцати гномов, а Бильбо примостился на табуретке у очага. Он грыз печенье (как ни странно, весь его аппетит куда-то исчез) и притворялся, довольно безуспешно, что происходящее ему не в диковинку, что он давно к такому привык. Гномы ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отвалились от стола. Бильбо встал, чтобы собрать тарелки.

– Полагаю, вы отужинаете со мной? – осведомился он самым вежливым тоном, на какой только был способен.

– Конечно, – отозвался Торин. – О деле можно потолковать и вечером, а сейчас неплохо бы музыку послушать... Ну-ка, раз-два!

Сам он остался сидеть за столом и продолжал о чем-то беседовать с Гэндальфом, а остальные гномы дружно вскочили. Соорудив из грязной посуды высокие колонны, каждая из которых была увенчана бутылкой, они устремились с ними на кухню, а бедный хоббит бегал вокруг, испуганно попискивая: «Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, я сам!»

Потешаясь над ним, гномы запели:

Бей посуду! Бей стекло!
Бей тарелки и бутылки!
Бильбо Торбинсу назло
Гни ножи, уродуй вилки!
Мы весь дом – кверху дном,
Стол, скамейки, табуретки!
А потом каждый гном
Швырь ему в постель объедки!
По горшку да кочергой!
Где моя большая палка?
Палки нет – лупи ногой,
Ведь не наше, нам не жалко!
Бильбо Торбинсу назло...
Эй, полегче – тут стекло!

Конечно, ничего столь ужасного они не учинили; пока несчастный хоббит вертелся, как угорь, посреди кухни, пытаясь разглядеть, что же, собственно, происходит, вся посуда была вымыта и расставлена по полкам в целости и сохранности, и все это было сделано в мгновение ока. Потом все вернулись в залу и увидели, что Торин, положив ноги на каминную решетку, сидит с трубкой во рту. Он выпускал толстые кольца дыма, которые разбежались по комнате, какое куда – по желанию Торина: ползли вверх по камину, забирались за часы на полке, прятались под стол или просто кружили под потолком; но передвигались они слишком медленно, чтобы ускользнуть от Гэндальфа. Пых! – чародей пыхнул своей коротенькой глиняной трубочкой, выпустил колечко дыма, и оно прошмыгнуло сквозь все Ториныны кольца. Затем позеленело, вернулось к магу и затрепетало над его головой. А так как он был уже весь в кольцах дыма, то вид имел какой-то нездешний, даже колдовской. Бильбо стоял и смотрел как зачарованный – ему тоже нравилось пускать кольца; и вдруг он покраснел, вспомнив, что еще вчера гордился своими жалкими колечками.

– Теперь музыка, – заявил Торин. – Несите инструменты.

Гномы побежали в прихожую. Кили и Фили порылись в своих мешках и достали маленькие скрипки; Дори, Нори и Ори извлекли из-под плащей флейты; Бомбур прикатил барабан; Бифур и Бофур вернулись с кларнетами, которые, видимо, оставили там же, в прихожей, вместе с дорожными посохами. Двалин и Балин произнесли хором: «Извините, я мигом». А Торин, повернувшись к ним, попросил: «Тогда принесите и мне». Они принесли две виолы, каждая размерами с гнома, и Торинову арфу, завернутую в зеленую ткань. Это была чудесная золотая арфа; едва Торин тронул ее струны, зазвучала музыка, неожиданно столь прекрасная, что Бильбо забыл обо всем на свете и будто очутился в диковинных землях под неведомым светиллом, далеко-далеко от Приречья и от своей драгоценной Торбы-на-Круче.

Снаружи уже наступили сумерки, а гномы все играли и играли, и на стене в такт музыке раскачивалась бородастая тень Гэндальфа.

Стало совсем темно, огонь в очаге погас, а гномы продолжали играть. И вдруг запели – один начал, вскоре к нему присоединились и остальные; так пели их предки в своих пещерах. Вот что пели гномы (если, конечно, стихи без музыки можно назвать песней):

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!
И деды наши, и отцы
Там колдовали, кузнецы,
И той порой под той Горой
Будто звенели бубенцы.
Каменья в рукоять меча
Вправляли, свет в них заключа, —
Эльфийский князь глядел, дивясь,
На меч, горящий, как свеча.
Годился звездный – для колец,
Огонь драконий – на венец,
А лунный свет – в любой предмет,
И в сети свет ловил мудрец.
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!
Там, в глубине, вдали от всех,
Звучали арфы, песни, смех —
Ни человек, ни эльфовек
Не ведали о песнях тех...
Взгудели сосны на ветру,
Взгудели ветры на юру,
Огонь был ал, и бор пылал,
Подобно жаркому костру.
Гудит над городом набат,
И горожане вверх глядят:
Летит дракон, порушит он
Дома и башни – все подряд.
Гора дымится, каждый гном

Шаги услышал, будто гром:
Пришел дракон – погубит он
Весь род и наш захватит дом!
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!

Пока гномы пели, хоббиту чудилось, будто в него исподволь вливается любовь к прекрасным вещам, рукотворным или сотворенным чародейством, яростная и ревнивая любовь, вечная мука гномьих сердец. И внезапно в нем пробудилась унаследованная от Туков тяга к странствиям, и он возжелал отправиться в путь вместе с гномами, захотел увидеть воочию Великие Горы, услышать шелест сосен и грохот водопадов, спуститься в пещеры, носить вместо дубинки меч. . . Бильбо посмотрел в окно. Над темным лесом сверкали звезды, напомнившие хоббиту самоцветные камни гномов. Вдруг в лесу взметнулось пламя – наверно, кто-то разжег костер, – и Бильбо подумалось, что это дракон, который летит сюда, чтобы спалить Кручу. Он вздрогнул и вновь стал самим собой – прежним господином Торбинсом из Торбына-Круче. (Должно быть, вы уже догадались, что Бильбо только притворялся обыкновенным хоббитом – и перед другими, и перед собой: на самом-то деле всякие небылицы, вроде тех, что приносил в Хоббитанию Гэндальф, были ему куда милее житейских забот да повседневных хлопот).

Он поднялся. Вообще-то радушному хозяину следовало принести лампу – а внутренний голос упорно советовал уйти из комнаты, якобы за лампой, и больше не возвращаться, пока гномы не уберутся восвояси. В конце концов, можно спрятаться в погребе за пивными бочонками. . . Неожиданно Бильбо осознал, что музыка стихла и что все гномы внимательно глядят на него, а их глаза светятся во мраке.

– Куда вы собрались? – спросил Торин таким тоном, словно разгадал намерения хоббита.

– Как насчет света? – просительно промолвил Бильбо.

– Нам нравится темнота! – загалдели гномы. – Темные дела надо делать в темноте. Самое время, покамест не рассвело.

– Как скажете. – Бильбо торопливо сел. Но поскольку сажился он наугад, то промахнулся и вместо стула уселся на каминную решетку. Раздался грохот, на пол упали кочерга и совок.

– Тсс! – прошипел Гэндальф. – Пусть говорит Торин.

И Торин начал:

– Гэндальф, гномы и господин Торбинс! Мы собрались в доме нашего хорошего друга и соратника, весьма выдающегося во всех отношениях и неустрашимого хоббита – да не выпадет никогда шерсть на его стопах! Да славятся его вино и эль! – Он перевел дух, видимо, ожидая от Бильбо слов благодарности, но эти сомнительные любезности совершенно лишили хоббита дара речи. Тщетно прождав некоторое время, Торин продолжил: – Мы встретились, дабы обсудить наши намерения и решить, каковы будут наши дальнейшие действия. Уже скоро, еще до наступления дня, нам предстоит отправиться в долгий путь. Весьма вероятно, из этого путешествия некоторые из нас могут вовсе не вернуться; некоторые – или даже все мы, кроме, разумеется, нашего старинного друга и советчика, искусного чародея Гэндальфа. Цель наша, полагаю, хорошо всем известна. Но для досточтимого господина Торбинса и для молодых гномов – скажем, для Фили и Кили, думаю, они на меня не обидятся – нужно, пожалуй, кое-что пояснить, хотя бы вкратце. . .

В этих словах был весь Торин. Если его не прерывали, он мог продолжать в том же духе до тех пор, пока хватало дыхания, умудряясь не сказать ровным счетом ничего нового. Но сейчас Торины грубо перебили. Бедняга Бильбо не выдержал. Фраза «можем не вернуться»

доконала хоббита. Внутри него зародился вопль, который очень скоро вырвался наружу – как вырывается гудок из трубы паровоза. Гномы дружно вскочили и забарабанили кулаками по столу. Гэндальф поднял посох, на конце которого вспыхнул голубой огонек, и все увидели, что хоббит стоит на коленях на коврике перед очагом и дрожит с головы до ног. Едва узрев огонек на конце посоха, Бильбо повалился навзничь с криком: «Молния! Молния!» Попытки привести хоббита в чувство оказались безуспешными. Тогда гномы отнесли господина Торбинса в гостиную, положили на диван и поставили рядом стакан с водой, а сами вернулись к своим темным делам.

– Разволновался, бедолага, – проговорил Гэндальф, когда все снова расселись за столом. – С ним такое случается, но он и вправду один из лучших. Свиреп, как разъяренный дракон.

Если вы когда-нибудь видели разъяренного дракона, то уже догадались, что маг слегка преувеличил. Если говорить прямо, такого сравнения не заслуживал и прапрадед Старого Тука, Быкобор, который отличался столь высоким для хоббита ростом, что мог без посторонней помощи взобраться даже на лошадь. В битве на Зеленых полях Быкобор в одиночку пробился сквозь ряды гоблинов с горы Грэм и снес дубинкой голову их предводителю Голфимбулу. Пролетев сотню ярдов по воздуху, голова Голфимбула упала наземь и закатилась в кроличью нору. Так была одержана победа и – изобретена игра в гольф.

Между тем пугливый потомок Быкобора понемногу оправился, попил водички и осторожно подобрался к двери в залу. Там говорили о нем.

– Ха! – произнес Глоин (тон гнома выражал крайнее презрение). – Ты думаешь, он справится? Вольно Гэндальфу рассуждать о его свирепости, но одного такого вопля будет достаточно, чтобы разбудить дракона и погубить всех нас. По-моему, вопил он от испуга, а вовсе не от радости. Когда бы не твоя метка на двери, Гэндальф, я бы решил, что мы ошиблись домом. Едва я увидел этого толстого чудилу, меня начали одолевать сомнения. Он больше похож на бакалейщика, чем на добытчика.

Тут господин Торбинс приоткрыл дверь и проскользнул в залу. Тяга к странствиям, унаследованная от Туков, взяла верх. Он понял вдруг, что прекрасно обойдется без мягкой постели и второго завтрака, если только его и впрямь будут считать свирепым, как дракон. А на «толстого чудилу» он обиделся и рассердился.

Потом Бильбо не раз жалел о своем решении и твердил себе: «Какой же ты глупец, мой милый! Ну зачем ты туда полез?» Но это было потом.

– Прошу прощения, – с достоинством сказал он. – Я нечаянно подслушал вашу беседу... Честно говоря, не понимаю, о чем вы толкуете, о каких таких добытчиках, но со мной у вас и вправду вышла промашка. Я вам докажу. Свою дверь я всего неделю как покрасил, нету на ней никаких меток, и вы явно попали не туда. Едва завидев ваши нездешние физиономии, я засомневался... Ну да ладно. Расскажите, что от меня требуется, и я попробую это сделать, пусть даже мне придется дойти до восточных пределов и сразиться с дикими червооборотнями в Крайней Пустыне. Мой прапрапрадед Быкобор...

– Давай оставим его в покое, – перебил Глоин. – Что толку ворошить минувшее? Я говорил про тебя. Что же до метки на двери, она была, смею тебя уверить. И знаешь, какая? Она означала: «Опытный добытчик ищет хорошую работу, с разумной степенью риска и солидным вознаграждением». Если тебя смущает словечко «добытчик», можно выразиться иначе – скажем, «охотник за сокровищами», что одно и то же. И вообще, мы пришли сюда по совету Гэндальфа, это он нам рассказал о тебе: мол, в среду некий добытчик устраивает чаепитие и готов потолковать насчет работы.

– Разумеется, метка была, – вмешался маг. – Я сам ее оставил, по одной простой причине. Вы просили подобрать четырнадцатого участника вашего похода, и я выбрал господина Торбинса. Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что я выбрал не того! Тогда вас останется

тринадцать и никакой помощи от меня вы больше не дождетесь. Уж лучше сразу возвращайтесь в свои пещеры!

Он так сурово поглядел на Глоина, что тот вжался в стул, а когда Бильбо открыл было рот, маг повернулся к нему и грозно нахмурил брови. Хоббит столь поспешно захлопнул рот, что у него клацнули зубы.

– Вот и хорошо. Хватит споров. Господина Торбинса выбрал я, и вам придется этим удовлетвориться. Если я говорю, что он – добытчик, значит, так и есть, или будет, в скором времени. В господине Торбинсе скрыто гораздо больше, чем кажется, больше, чем догадывается он сам. Вполне возможно, вы доживете до того дня, когда станете благодарить меня. А теперь... Бильбо, малыш, принеси лампу. Нам понадобится свет.

Когда хоббит принес лампу с красным абажуром, маг расстелил на столе пергамент.

– Торин, эту карту рисовал твой дед Трор. Это план Горы.

– Какой нам от нее прок? – разочарованно пробурчал Торин. – Я и без того превосходно помню Гору и ее окрестности. И прекрасно знаю, где находится Лихолесье и где лежит Гиблая Пустошь, на которой рождаются драконы.

– Если мы доберемся до Горы, – прибавил Балин, – дракон найдется сам собой, безо всякой карты.

– Вы кое-что пропустили, – сказал Гэндальф. – В подземелье под Горой ведет тайный ход. Видите эту руну, с западной стороны? На нее еще указывает вытянутый палец. Так вот, она обозначает тайный ход, ведущий в Нижние Палаты. (Любезный читатель, взгляни на карту на следующей странице – ты найдешь на этой карте одиночную руну у самой Горы).

– Может, когда-то он и был тайным, – возразил Торин, – но проклятый Смог наверняка давным-давно разыскал его. Ведь он живет под Горой много лет.

– Может, и так, но этот проход не для него.

– Почему?

– Да потому, что дракон слишком велик! Руны гласят: «Дверь пяти футов высотой, и трое в ряд могут пройти в нее». Смог не сумел бы проникнуть в такую лазейку, даже когда был моложе, а ведь за последнее время он изрядно растолстел – в пище-то у него недостатка не было: подгорные гномы, люди из Дола...

– А по-моему, нора просто громадная, – пискнул Бильбо, бывавший только в хоббитовых норах. Ему стало настолько любопытно, что он совсем забыл о своем намерении держать рот на замке. Но простим его; в конце концов, он был всего лишь маленьким хоббитом, обожавшим всякие карты – в гостиной у него, к примеру, висела карта окрестностей Кручи, на которой красным цветом были обозначены излюбленные тропинки для прогулок. – Правда, я не понял, почему проход – тайный? Дверь на то и дверь, чтобы ее замечали издалека.

– Двери бывают разные, – отозвался Гэндальф. – Чтобы найти эту, нам придется потрудиться. Судя по карте, она в глаза вовсе не бросается и отыскать ее сможет лишь тот, кто знает, что она там есть. Насколько мне известно, у гномов принято таким вот образом прятать от посторонних глаз тайные двери. Я прав, Торин?

– Безусловно, – ответил тот.

– Кроме того, – продолжал Гэндальф, – я забыл упомянуть о ключе, который прилагается к карте. Такой маленький, но весьма любопытный ключик. Вот он. – Маг протянул Торину серебряный ключ с причудливой бородкой. – Храни его как зеницу ока.

– Разумеется. – Торин повесил ключ на цепочку и спрятал под куртку. – Пожалуй, у нас появилась надежда. Ты принес хорошие вести, чародей. Так далеко мы и не задумывали. Думали крадучись пробираться на восток до самого Долгого озера. А там – как повезет. Опасности подстерегают на каждом шагу...

– Можешь поверить, они начнутся за порогом этого дома, – вставил Гэндальф.

– Оттуда можно отправиться вверх по течению Бегущей, – Торин пропустил мимо ушей слова мага, – до развалин Дола, так назывался город, стоявший в древние времена в тени Горы. Но идти напрямик через Парадные Врата было бы сущим безумием. Из них, минуя громадный утес с южного склона Горы, вытекает река, и оттуда же теперь выбирается дракон. Если Смог не изменил своим привычкам – а с какой стати ему их менять? – то вылезает он из пещеры слишком уж, по-моему, часто.

– Соваться в Парадные Врата и вправду безумие, – поддержал Торина Гэндальф. – Тут не обойтись без отважного воина или даже без героя. Я пытался разыскать хотя бы одного, но воины заняты междоусобными распрями в дальних краях, а герои в окрестностях Хоббитании – птицы редкие. Острых клинков в здешних краях днем с огнем не сыщешь, топорами тут только деревья рубят, а на щитах детишек качают – или котлы ими накрывают. Драконы же здесь отродясь не водились, для хоббитов они – страшная сказка, невидаль да небыль. Словом, по всему выходило, что брать придется не удачью, а сметкой да хитростью. И тут мне очень кстати вспомнилась потайная дверь, и я догадался – нужен нам пролаза, да такой, чтоб в любую щель протиснулся! И вот вам господин Бильбо Торбинс, замечательный лазейник и добытчик по призванию. Так что довольно пустых разговоров, займемся лучше делом.

– Быть может, послушаем добытчика по призванию? – Торин отвесил Бильбо церемонный и одновременно издевательский поклон.

– Я сперва хотел бы узнать побольше, – пробормотал тот. Мысли его путались, однако жажда странствий по-прежнему звала в путь. – Ну, насчет дракона и насчет всего остального – как он там оказался, о каком кладе речь, и вообще...

– Что «вообще»? – передразнил Торин. – Карта перед вами, смотрите, господин добытчик. Разве вы не слышали наших песен? Разве мы не толкуем обо всем этом уже битый час?

– Все равно, мне хотелось бы знать побольше. – Бильбо напустил на себя деловой вид (какой обычно приберегал для тех соседей, которые пытались занять у него денег), прилагая все усилия, чтобы произвести впечатление умудренного житейским опытом знатока своего дела, в полном соответствии с похвалами Гэндальфа. – А еще я хотел бы уточнить, велик ли риск, сколько нам потребуется времени и денег и каким будет мое вознаграждение. – «Иными словами, – прибавил он мысленно, – какой мне от всего этого будет прок и вернусь ли я домой живым?»

– Извольте, – буркнул Торин. – Давным-давно, при моем деде Троре, гномов изгнали с дальнего севера, и они со всем своим скарбом перебрались под эту самую Гору, нарисованную на карте. Точнее сказать, вернулись домой – ведь гномы обитали под Горой с незапамятных времен, еще при Траине Старом, моем далеком предке. Они принялись копать и строить, расширили прежние пещеры, прорубили под Горой новые ходы – и наткнулись, должно быть, на золотые жилы и россыпи самоцветов. Во всяком случае, они быстро разбогатели и день ото дня становились все богаче, и так возродилось Подгорное королевство. Моего деда, Горного короля, чтити не только гномы, но и люди, пришедшие с юга и осевшие на берегах Бегущей. Это они возвели в тени Горы веселый город Дол, и жилища их подступали к самой Горе. Правители Дола охотно посылали за нашими кузнецами и щедро вознаграждали даже тех, кто был не слишком искусен в кузнечном ремесле. Отцы отдавали нам в ученики своих сыновей и тоже не скупилась на дары; а расплачивались они обыкновенно разной снедью, которую мы благодарно принимали – нам-то недосуг было хлеб растить да на охоту ходить. Мы трудились не покладая рук, ковали доспехи, оправляли самоцветы, песни наши были веселы, и работа спорилась. Какие чудеса мы ковали, куда до них нынешним поделкам! Золотые были деньки! Деньжата не переводились, съестного вдоволь, знай себе стучи по наковальне. В подземных чертогах моего деда копились клинки и щиты, кубки и сверкающие камни, а на Дольское Торжище народ стекался отовсюду – кто поглазеть, а кто и прикупить кольчужку или ожерелье.

Сомнений нет, дракона привлекла молва о наших богатствах. Ведь драконы – большие охотники до чужих сокровищ, им бы каждый день кого-нибудь грабить, эльфов, людей, гномов – все одно. И ведь тащат без разбору, что под лапу подвернется, и доспех изукрашенный, и кувшины медные, лишь бы захватить. А сами ничего толком не умеют – ни даже прореху крохотную в собственной чешуе залатать; правда, цену добыче ведают. Поживу они сгребают в кучу, залегают на ней и стерегут ее до конца своих дней. Век же драконий, знаете ли, еще как долог: коли дракона прежде не убьют, он всех переживет... Так вот, в те времена драконов на Севере водилось в изобилии. Они нападали на гномов, несли смерть и запустение, и гномы, бросая нажитое, бежали на юг, а золотом и самоцветами завладевали драконы. самого злого среди них, самого коварного и жадного звали Смогом. В горестный для гномов день он поднялся в воздух и полетел на юг, к Одинокой горе. Мы услышали его издали – грохот стоял такой, точно разбушевалась буря, а сосны на склонах Горы гнулись под ветром от драконьих крыльев. Те гномы, которым повезло оказаться снаружи (среди них был и я, совсем тогда еще юный, любопытство погнало меня наверх, и оно же меня и спасло), – мы видели, как дракон опустился на Гору и выдохнул пламя. Лес на склонах запылал. В Доле ударил набат, люди спешно вооружались. Гномы бросились наружу, но у ворот их поджидал дракон... Не уцелел никто. Вода в реке испарилась, на Дол пал туман, и дракон в тумане налетел на город и истребил почти всех его защитников. Обычная история, каких в те дни случалось немало... Потом он вернулся к Горе, заполз внутрь через Парадные Врата и обшарил все залы до единой, все пещеры, туннели, погреба и проходы. Когда же под Горой не осталось ни одного живого гнома, Сmog присвоил себе все наши сокровища. Должно быть, как водится у драконов, свалил поживу в самой дальней пещере в громадную кучу и залег на ней, как на кровати. А после занял обыкновение по ночам летать в Дол и похищать людей, в особенности красивых девушек. В конце концов жители покинули город, и теперь Дол лежит в развалинах. С тех пор вряд ли кто осмелился поселиться в Раздраконье, между Горой и Долгим Озером.

Мы, кучка уцелевших, плакали, не стыдясь слез, и проклинали Смога, как вдруг к нам вышли мои отец с дедом, оба с опаленными бородами. Суровые и подавленные, они хранили молчание. Когда я спросил, как им удалось спастись, мне велели придержать язык: мол, в свой срок все узнаешь. Мы двинулись прочь и долго бродили из края в край, перебиваясь с хлеба на воду. И деревенскими кузнецами мы были, и углежогам... Но ни на миг мы не забывали о наших сокровищах, оставшихся под Горой. И даже теперь, когда у нас кое-что отложено про черный день, – Торин тронул золотую цепь у себя на шее, – мы по-прежнему мечтаем отомстить Смогу, если, конечно, сумеем.

Я часто гадал, как выбрались из подземелья мои отец и дед. Верно, они выскользнули через тот самый тайный ход, о котором, кроме них, никто не знал. Карту они нарисовали позже. К слову, хотел бы я знать, каким образом эта карта оказалась у Гэндальфа, а не у законного наследника Трора и Траина?

– Мне ее дали, – откликнулся маг. – Как ты помнишь, твой дед Трор пал в пещерах Мории от руки гоблина Азога...

– Да будет проклято его имя во веки веков! – воскликнул Торин.

– А твой отец Траин двадцать первого апреля, то есть на прошлой неделе, только сто лет назад, ушел из дома, и с тех пор ты его больше не видел...

– Да, – угрюмо подтвердил Торин.

– Так вот, не кто иной, как твой отец, отдал эту карту мне, наказав передать ее тебе. Если учесть, сколько я тебя разыскивал, меня вряд ли можно упрекнуть в том, что я не сразу выполнил его наказ. Когда я видел твоего отца в последний раз, он не мог вспомнить ни собственного имени, ни тем паче имени сына. Между прочим, ты мог бы и спасибо сказать – за то, что я тебя все-таки нашел.

– Ничего не понимаю, – проговорил Торин. Бильбо тоже ничего не понимал. Объяснение Гэндальфа еще сильнее все запутало.

– Твой дед, – сурово произнес маг, – отдал карту своему сыну перед тем, как уйти в Морию. После смерти Трора твой отец тоже отправился пытаться удачу. Он преодолел множество преград, но к Горе так и не приблизился. Я нашел его в узилище Некроманта.

Гномы вздрогнули.

– А ты-то как туда попал? – выдавил Торин.

– Неважно. У меня были свои дела. Омерзительное, доложу вам, местечко. Даже я, Гэндальф Серый, едва сумел ускользнуть. Я пытался спасти твоего отца, но у меня ничего не вышло. Он обезумел от страданий и пыток и забыл обо всем, кроме карты и ключа. Вот его последняя воля: он хотел, чтобы сын получил карту и воспользовался ключом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.